

Атрибуция Манделъштама

1в

<p>Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной: Напоминают мне оне Другую жизнь и берег дальный.</p> <p>Увы! напоминают мне Твои жестокие напевы И степь, и ночь — и при луне Черты далекой, бедной девы!..</p> <p>Я призрак милый, роковой, Тебя увидев, забываю; Но ты поешь — и предо мной Его я вновь воображаю.</p> <p>Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной: Напоминают мне оне Другую жизнь и берег дальный.</p>	<p>Я в львиный ров и в крепость погружен И опускаюсь ниже, ниже, ниже Под этих звуков ливень дрожжевой - Сильнее льва, мощнее пятикнижья.</p> <p>Как близко, близко твой подходит зов - До заповедей рода и первины - Океанийских низка жемчугов И таитянок кроткие корзины...</p> <p>Карающего пеня материк, Густого голоса низинами надвинься! Богатых дочерей дикарско-сладкий лик Не стоит твоего - праматери - мизинца.</p> <p>Не ограничена еще моя пора: И я сопровождал восторг вселенский, Как вполголосая органная игра Сопровождает голос женский.</p>	<p>Женский голос, как ветер, несется, Черным кажется, влажным, ночным, И чего на лету ни коснется, Все становится сразу иным. Заливает алмазным сияньем, Где-то что-то на миг серебрит И загадочным одеяньем Небывалых шелков шелестит. И такая могучая сила Зачарованный голос влечет, Будто там впереди не могила, А таинственной лестницы взлет.</p>
---	---	---

Ткань

1. *Текст* значит *ткань*. Расплести по нитке тряпицу текста. Разложить по цветам, улавливая оттенки. Затем объяснить, какой окрашена краской каждая нитка. Затем – обсуждение ткачества ткани: устройство веретена, ловкость старухиных пальцев. Затем – дойти до овец. До погоды в день стрижки. (Sic) Имя жены пастуха. (NB) Цвет ее глаз.

2. Но не берись расплетать, если сам ты ткач неискusstный, если ты скверный портной. Пестрядь запутанных ниток, корпия библиотек, ветошка университетов – кому, Любомудр, это нужно? Прежнюю пряжу сотки. Прежний плащ возврати той, что промерзла в углу.

2.1. Есть коллеги, что в наших (см. выше) делах неискusstны.

Все, что умеют, – кричать: «Ах, вот нарядное платье!

Английское сукнецо! Модный русский покрой!».

2.2. Есть и другие. Они на платье даже не взглянут.

Все, что умеют, – считать миллиметры, чертить пунктиры.

Выкроек вороха для них дороже, чем ткань.

1. Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И дугами парусных гонок
Зеленые формы чертя,
Играет пространство спросонок —
Не знавшее люльки дитя.
2. Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И как хорошо мне и тяжело,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.

Ткется пурпурная ткань, которая ведала чаны
Тирские; тонки у ней, едва различимы оттенки.
Так при дожде, от лучей преломленных возникшая, мощной
Радуга аркой встает и пространство небес украшает.
Рядом сияют на ней различных тысячи красок,
Самый же их переход ускользает от взора людского.
Так же сливаются здесь, – хоть крайние цветом отличны.
Вот вплетаются в ткань и тягучего золота нити,
И стародавних времен по ткани выводится повесть

Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобою.
И она скукоживается на глазах, под рукою.
Зеленая нитка, следом за голубою,
становится серой,
коричневой, никакою.
Уж и краешек, вроде, виден того батиста.
Ни один живописец не напишет конец аллеи.
Знать, от стирки платье невесты быстрее садится,
да и тело не делается белее.
То ли сыр пересох, то ли дыханье сперло.
Либо: птица в профиль ворона, а сердцем – кенар.
Но простая лиса, перегрызая горло,
не разбирает, где кровь, где тенор¹⁰.

2.3. Есть и другие. Они на государственной службе⁴.

Все, что умеют, – сличать данный наряд с униформой.

Лишний фестончик найдут или карман потайной,

тут уж портняжка держись – выговор, карцер, расстрел.

3. *Текст* – это *жизнь*. И ткачи его ткут. Но вбегает кондратий – и недоткал. Или ткань подверглась воздействию солнца, снега, ветра, дождя, радиации, злобы, химчистки, времени, т.е. «дни расплетают тряпочку подаренную Тобою», и остается дыра.

3.1. Как, Любомудр, прохудилась пелена тонкотканой культуры.

Лезет из каждой дыры паховитый хаос и срам .

4. *Ткань* – это *текст*, это *жизнь*. Если ты доктор – дотки.

Для ученика

В.В. Маяковский

Наш марш

Стихи под эпитафией

"То, что дозволено Юпитеру,
не дозволено быку..."

Бейте в площади
бунтов
топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем
миров
города.

Каждый пред Богом
наг.
Жалок,
наг
и убог.
В каждой музыке
Бах,
В каждом из нас
Бог.

Ибо вечность —

Богам.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Бренность --
удел быков...
Богово станет
нам
Сумерками богов.

Есть ли наших золот
небесней?
Нас ли сжалит
пули
оса?
Наше оружие - наши песни.
Наше золото - звенящие голоса.

И надо небом
рискнуть,
И, может быть,
невпопад
Еще не раз нас
распнут

И скажут потом:
распад.

Зеленью ляг,
луг,
выстели дно
дням.
Радуга, дай
дуг
лет быстролётным коням.

И мы
завоем
от ран.
Потом
взалаем даров...
У каждого свой
храм.
И каждому свой
гроб.

Видите, скушно
звезд
небу!
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица!
требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.

Юродствуй,
воруй,
молись!
Будь одинок,
как перст!..
...Словно быкам --
хлыст,
вечен богам
крест.

Радости пей!
Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце,
Бей
бой!
Грудь наша - медь литавр. (1917)

Для учителя

<p>Маяковский Наш марш</p> <p>Бейте в площади бунтов топот! Выше, гордых голов гряда! Мы разливом второго потопа перемоем миров города.</p>	<p>Бродский Стихи под эпитафией</p> <p>"То, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку..."</p> <p>Каждый пред Богом наг.</p>
---	--

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.
Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие - наши песни.
Наше золото - звенящие голоса.
Зеленью ляг, луг,
выстели дно дням.
Радуга, дай дуг
лет быстролётным коням.
Видите, скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица! требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.
Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша - медь литавр.

1917

Жалок,
наг
и убог.
В каждой музыке
Бах,
В каждом из нас
Бог.
Ибо вечность --
богам.
Бренность --
удел быков...
Богово станет
нам
Сумерками богов.
И надо небом
рискнуть,
И, может быть,
невпопад
Еще не раз нас
распнут
И скажут потом:
распад.
И мы
завоем
от ран.
Потом
взалкаем даров...
У каждого свой
храм.
И каждому свой
гроб.
Юродствуй,
воруй,
молись!
Будь одинок,
как перст!..
...Словно быкам --
хлыст,
вечен богам
крест.

1958

К. Д. Бальмонт

В искрах лунного сиянья
сквозь лучей его мерцанье
вижу смутно очертанья
я старушки и козла.
Пьют любви до края чашу
все слияннее и краше,
но козла в лесную чащу
злая сила увлекла.

Волки мчат во мраке ночи,
это искрятся их очи,
в час глубокий полуночи
козлик в жертву принесен.
На траве белеют ножки,
козьи ножки, козьи рожки,
и старушка по дорожке...
...Старый, милый детский сон.

1899 г. (А. Розенберг)

Н. Гумилев

I

У истоков сумрачного Конго,
Возле озера Виктория-Нианца
Под удары жреческого гонга
Он свершал магические танцы
Бормотанье, завыванье, пенье,
Утомясь, переходило в стоны,
Но смотрел уже без удивленья
Старый пес - подарок Ливингстона

II

Пестрый сеттер, быстр как ветер,
Всех был преданней на свете,
Не воришка и не трус
Но для старых и голодных
Добродетели бесплодны,
Драгоценней мяса кус
Пестрый пес лежал так близко,
Мяса кус висел так низко,
Над землей всего лишь фут
И открылась в сердце дверца,
А когда им шепчет сердце,
Псы не борются, не ждут

III

Сегодня ты как-то печально глядишь на ковры и обои
И слушать не хочешь про страны, где вечно ласкающий май
Послушай, огни погасим, и пригрезится пусть нам обоим,
Как жрец, разозлившись на пса, смертоносный схватил ассегай.

Помчалось копые, загудя, убежавшей собаке вдогонку,

И, кровью песок обагрив, повалился наказанный пес.
Послушай, - на озере Ньянца, под звуки гудящего гонга,
Жил сеттер голодный и быстрый, и мясо жреца он унес...

Игорь Северянин

У старушки колдуньи,
крючконосой горбуньи,
козлик был дымно-серый, молодой, как весна.

И колдуньино сердце
в тихо грезовом скерцо
трепетало любовью, как от ветра струна.

На газоне ажурном
златополднем пурпурным
так скучающе-томно козлик смотрит на лес.

Как мечтать хорошо там,
сюпризерным пилотом
отдаваясь стихийно тишине его месс.

Ах, у волка быть в лапах
и вдыхать его запах -
есть ли в жизни экстазней, чем смертельности миг.

И старушке колдунье,
крючконосой горбунье,
подарить импозантно лишь рогов своих шик.

1913 г. (Э. Паперная)